

ствий не является бесспорным, а многие утверждения прокурора так и просто сомнительны. Фетюкович — искусный адвокат, он провел расследование куда лучше, чем прокурор. И что же в результате? «Мужички за себя посто-яли». «И покончили нашего Митю» (т. 10, стр. 370).

Суд закона не работает, потому что «мужички» (присяжные) чувствовали себя обиженными Митей и от этого имеющими моральное право его осудить, вне зависимости от того, что говорил адвокат, какой бы бесспорной логикой он ни оперировал. Мужичкам не хватило того, о чем говорил старец Зосима, — им не хватило чувства собственной вины в совершенном преступлении.

6. Обоснование бытия Бога

У Достоевского в Записной тетради 1880 — 1881 годов есть очень важное замечание: «Если б где в мире был конец, то был бы всему миру конец. Параллелизм линий. Треугольник, слияние в бесконечности, одна квадрильонная все-таки ничтожность перед бесконечностью. В бесконечности же параллельные линии должны сойтись. Ибо все эти вершины треугольника все-таки в конечном пространстве, и правило, что чем бесконечнее, тем ближе к параллелизму, должно остаться. В бесконечности должны слиться параллельные линии, но — бесконечность эта никогда не придет. Если б сошлись параллельные линии, то был бы конец миру и геометрическому закону и Богу, что есть абсурд, но лишь для ума человеческого¹⁸.

Реальный (созданный) мир конечен, невещественный же мир бесконечен. Если б сошлись параллельные линии, кончился бы закон мира сего. Но в бесконечности они сходятся, и бесконечность есть несомненно. Ибо если б не было бесконечности, не было бы и конечности, немыслима бы она была. А если есть бесконечность, то есть Бог и мир другой, на иных законах, чем реальный (созданный) мир»¹⁹.

Этот отрывок имеет непосредственное отношение к теме математики в творчестве Достоевского. Если Иван доказывает небытие Бога, то здесь делается обратная попытка — математического обоснования бытия Бога.

Самое важное утверждение последнее: «...если есть бесконечность, то есть Бог и мир другой, на иных законах, чем реальный (созданный) мир». Это вывод, который Достоевский пытается обосновать.

Необходимо здесь уточнить понятие «бесконечность». Со времени парадоксов Зенона Элейского (знаменитых «Ахиллес и черепаха», «Стрела» и других) и того ответа, который дал на них Аристотель, стало понятно, что к бесконечности может быть два совершенно разных подхода. Первый — это домашняя, вполне осязаемая, или «потенциальная», бесконечность, которая выражается как неограниченное возрастание. К любому сколь угодно большому натуральному числу мы всегда можем прибавить единицу. Натуральный ряд неограниченно растет, но набор чисел, который мы имеем в наличии, всегда конечен. Аристотель настаивал на том, что только такая бесконечность и возможна. «Актуальная бесконечность» — взятая сразу как дерево или дом — как единая вещь, такая бесконечность внутренне противоречива. Собственно, Зенон это и продемонстрировал своим рассуждением о точке: отрезок никогда не может состоять из бесконечного числа точек — если точка не имеет

¹⁸ Здесь речь, вероятно, идет о максимальном треугольнике на плоскости Лобачевского. В зависимости от кривизны (плоскость Лобачевского имеет постоянную отрицательную кривизну, она подобна поверхности однополосного гиперболоида) максимальный треугольник имеет различную площадь, но такой треугольник всегда существует. На евклидовой плоскости максимального треугольника, естественно, быть не может — всегда можно построить треугольник все большей и большей площади. На плоскости Лобачевского максимальный треугольник одна из самых неожиданных фигур — вершины этого треугольника удалены на бесконечность. Его стороны — параллельны (они пересекаются только в бесконечности) и все углы равны нулю.

¹⁹ Достоевский Ф. М. Из записных тетрадей. — Полн. собр. соч. в 30-ти томах, т. 27, стр. 43.